

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-34-42>

Законодательный уровень правового регулирования в субъектах федеративных государств (сравнительно-правовой контекст)

Исаков Игорь Николаевич

Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Москва, Россия, iin22@mail.ru, <http://orcid.id:0000-0001-6944-1048>

Аннотация. *Актуальность.* Нормативные предписания, формируемые в субъектах федеративных государств, в том числе и в субъектах Российской Федерации, обретая в соответствии с их конституциями законодательную форму в условиях предоставленного субъектам права осуществлять «*собственное правовое регулирование*» (курсив наш. — И. И.) (ч. 4 ст. 76 Конституции Российской Федерации) образуют принципиально новый собственный уровень законодательного регулирования в регионах, что заметно модернизирует и роль федерального законодательства в системе нормативных регуляторов общественных отношений. Широко практикуемый в субъектах Российской Федерации и других федеративных государствах принцип собственного законодательного регулирования приносит свои позитивные результаты.

Цель. В сравнительно-правовом контексте обосновать, что благодаря законодательной форме правового регулирования, образуемой субъектами федерации в едином правовом пространстве, создаются благоприятные условия исполнения конституционного принципа равноправия в конкретных отношениях, что, в свою очередь, способствует укреплению единства Российского федеративного государства.

Методы. Полученные выводы основываются на диалектическом, логическом, системном, социологическом, а также сравнительно-правовом, формально-юридическом, правовой интерпретации, статистики и других методах исследования.

Результаты. Раскрыты отличительные признаки, смысл, содержание, позитивная роль и практическая значимость собственного законодательного регулирования в субъектах федеративных государств. Приводятся аргументы, подтверждающие, что собственное законодательное регулирование в субъектах Российской Федерации, осуществляемое в формах конкретизации федеральных законов и дополнения их новым содержанием, способствует укреплению целостности федеративного государства и его суверенитета и в таком качестве выступает ключевым звеном системы нормативных регуляторов в регионах. Полученные результаты обладают новизной, имеют практическую значимость. В таком аспекте правовое регулирование в субъектах Российской Федерации в научной литературе не рассматривалось.

Ключевые слова: право, законотворчество, федеративное государство, субъекты федераций, собственное правовое регулирование в субъектах Российской Федерации, законодательный уровень правового регулирования, равноправие, гармонизация федерального законодательства в регионах

Для цитирования: Исаков И. Н. Законодательный уровень правового регулирования в субъектах федеративных государств (сравнительно-правовой контекст) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 34–42. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-34-42>.

© Исаков И. Н., 2024

Original article

The legislative level of legal regulation in the subjects of federal states (comparative legal context)

Igor N. Isakov

National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology", Moscow, Russian Federation, iin22@mail.ru, <http://orcid.id:0000-0001-6944-1048>

Abstract. Relevance. The normative prescriptions formed in the subjects of federal states, including in the subjects of the Russian Federation, acquiring a legislative form in accordance with their constitutions, under the conditions of the right granted to these subjects to carry out "their own legal regulation" (Part 4 of Article 76 of the Constitution of the Russian Federation), form a fundamentally new — their own level of legislative regulation in the regions, which is noticeable. It also modernizes the role of federal legislation in the system of regulatory regulators of public relations. Widely practiced in the subjects of the Russian Federation and other federal states, the principle of its own legislative regulation brings its positive results.

Goal. In a comparative legal context, to substantiate that, thanks to the legislative form of legal regulation formed by the subjects of the federation in a single legal space, favorable conditions are created for the implementation of the constitutional principle of equality in specific relations, which, in turn, contributes to strengthening the unity of the Russian federal state.

Methods. The obtained conclusions are based on dialectical, logical, systemic, sociological, as well as comparative legal, formal legal, legal interpretation, statistics and other research methods.

Results. The distinctive features, meaning, content, positive role and practical significance of their own legislative regulation in the subjects of federal states are revealed. Arguments are presented confirming that the own legislative regulation in the subjects of the Russian Federation, carried out in the form of specifying federal laws and supplementing them with new content, contributes to strengthening the integrity of the federal state and its sovereignty and as such acts as a key link in the system of regulatory regulators in the regions. The results obtained are new and have practical significance. In this aspect, legal regulation in the subjects of the Russian Federation has not been considered in the scientific literature.

Keywords: law, lawmaking, federal state, subjects of federations, own legal regulation in the subjects of the Russian Federation, legislative level of legal regulation, equality, harmonization of federal legislation in the regions

For citation: Isakov I. N. The legislative level of legal regulation in the subjects of federal states (comparative legal context). *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024. no. 3 (67). pp. 34–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-34-42>.

Введение

Опыт Российской Федерации и других федеративных государств по осуществлению собственного законодательного регулирования субъектами федераций является чрезвычайно интересным и полезным с практической точки зрения, поскольку выступает действенным компонентом системы нормативных регуляторов конкретных отношений. Подтверждением может служить законодательная деятельность Российской Федерации и ее субъектов по конкретизации предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, переданных последним для самостоятельного исполнения, а также дополнения федеральных законов новым содержанием в пределах собственных полномочий субъектов Российской Федерации, обеспечения взаимодействия с правотворческими органами местного самоуправления, саморегулируемыми

организациями, наделенными правомочием принятия норм первичного регулирования. Неслучайно такие вопросы вызывают у российских исследователей заметный теоретический и практический интерес, сопровождающийся научными дискуссиями [1–3]. В своем обращении к гражданам России 22 февраля 2022 года В. В. Путин говорил о расхождениях во взглядах по федеративному устройству, возникших на этапе создания советского федеративного государства.

Как видим, поставленные еще в начале XX века сложнейшие вопросы об устройстве Российского государства нисколько не утрачивают своей остроты и актуальности в современных условиях, поскольку формируются в единое правовое пространство, в которое включаются новые субъекты Российской Федерации.

С учетом предмета настоящей статьи ставится цель: используя сравнительно-правовой

контекст, раскрыть особенности осуществления субъектами Российской Федерации в условиях формирующегося единого правового пространства, а также субъектами других федеративных государств собственного правового регулирования.

Немаловажно в этой связи акцентировать внимание и на том, что проявляемая в федеративном государстве тенденция сокращения объема правового регулирования на федеральном уровне в пользу субъектов федерации, вызванная передачей субъектам Российской Федерации совместных с Российской Федерацией предметов ведения для их самостоятельного исполнения в регионах, ставит перед политиками, юристами-практиками, научной общественностью весьма сложные вопросы: 1) не представляет ли указанное сокращение угрозы для единства федеративного государства; 2) не противоречит ли оно системной организации национального законодательства и единству правового регулирования; 3) не снижает ли авторитет и волю законодателя.

Поиск ответов на эти вопросы также включается в предмет настоящего исследования.

Некоторые теоретические вопросы образования законодательного уровня, правового регулирования в условиях федеративного государства

Идея образования в субъектах Российской Федерации, других федеративных государствах законодательного уровня правового регулирования, тесно связанная с наделением полномочиями субъектов федераций по исполнению собственных предметов ведения, а также полномочиями по конкретизации федеральных законов, закрепляющих предметы совместного ведения, переданных для их исполнения органами исполнительной власти регионов, предопределяет *разноуровневый характер* современного правового регулирования.

В то же время действие принципа разнорядности правового регулирования создает благоприятные условия для стремительного выдвижения на передний план идеи реализации конституционного принципа равноправия (ч. 4 ст. 5 Конституции Российской Федерации). Речь в данном случае идет о том, что в процессе регулирования многочисленных вопросов регионального значения изыскивается возможность установления более высоких стандартов социальной направленности. В результате законодательство субъектов Российской Федерации может существенно дополнять и развивать

интегративные, регулятивные, социальные и иные свойства права, позволяющие принципу равноправия как первому среди всеобщих принципов занимать в каждом из них краеугольное положение. При этом нормы первичного регулирования, содержащиеся в законах субъектов Российской Федерации как интегративный феномен, включаются в обеспечение широкого спектра прав и свобод, закрепленных Всеобщей декларацией прав человека.

С учетом такого подхода предпринимается попытка обосновать, что действие принципа собственного законодательного регулирования в субъектах Российской Федерации, существенно сокращающего объем правового регулирования на федеральном уровне, не несет в себе угрозу единству Российской Федерации, а, напротив, укрепляет ее целостность.

Как известно, идеи федерализма, разрабатываемые еще в XVII–XVIII веках, основывались на дискретных представлениях, означающих подчинение названных идей механическим законам (атомизм). Согласно таким воззрениям внешне структурированное явление, каким и является федерализм, в глубине имеет «бесчисленные изолированные частицы, находящиеся в состоянии беспорядочного движения» [4, с. 14–15]. На этом основании И. П. Пономарева и другие авторы полагают, что федерализм, с одной стороны, отражает «механическое сложение частей, образующих федеративное государство», а с другой — «механическое их разделение» [3, с. 134]. Согласно такой логике миссия федерализма завершена.

Между тем многие авторы не во всем разделяют подобные точки зрения. Так, Н. А. Влащенко полагает, что федерализм и региональная самостоятельность нуждаются в новой концепции [5, с. 499]. Такую позицию разделяет и автор настоящего исследования и приводит соответствующие доводы. В частности, пока преждевременно говорить о завершении миссии федерализма, ибо процесс накопления качественных изменений еще не завершился. Российская модель федерализма пока не исчерпала свои потенциальные возможности. При условии обновления федеральной политики такая модель может послужить российскому обществу, принести ему свою пользу. Однако сегодня федерализм как никогда сам нуждается в защите и гарантиях со стороны Конституции Российской Федерации, российского законодательства, а также судебной и правоохранительной систем. Речь в данном случае идет, во-первых, о справедливом распределении

экономических доходов, позволяющих повысить качество жизни населения регионов. Как подсчитали эксперты, по итогам 2020 года, по сравнению с предыдущим, количество регионов с дефицитом бюджета возросло в два раза [6]. Подавляющая часть регионов находилась на дотационной системе финансирования [7]. В последующие 2022–2023 годы картина существенно не изменилась. Во-вторых, о сокращении федерального управленческого аппарата и укрупнении субъектов Федерации, обосновании степени самостоятельности регионов в исполнении переданных им предметов ведения, о реальном представителе субъектов Российской Федерации в Совете Федерации, о расширении полномочий губернаторов и др.

Как нам представляется, в сложившейся ситуации виновен вовсе не федерализм, а в определенном смысле субъективный фактор.

Если в этом контексте обратиться к категории «система», то применительно к понятию «федерализм» такие категории, как «государственная целостность», «государственный суверенитет», а также «региональная самостоятельность и самоорганизация», «законодательное регулирование в субъектах федерации», актуализируются через призму таких принципиально важных положений, как взаимосвязи, взаимозависимости частей и целого в исследуемом явлении, а также системное единство, то есть не механическое сложение частей, а неразрывное единство элементов между собой и внешней средой. Однако на практике зачастую возникают сложности в федеративных отношениях в силу отсутствия названного единства. Между тем Конституция Российской Федерации (как впрочем, и конституции многих других федеративных государств) закрепила четыре важнейших принципа федеративного устройства: 1) государственная целостность; 2) единство системы государственной власти; 3) разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; 4) равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации (ч. 3 ст. 5). Первые два принципа прямо ориентируют на системное единство, остальные закрепляют самоорганизацию ключевых компонентов федеративного государства, ориентируют на разделение предметов ведения и полномочий федерации и субъектов федерации, на самоопределение народов.

Характерно, что Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих

принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее — Закон) (ст. 2), опираясь на закрепленный в Конституции Российской Федерации в 2020 году новый принцип «единство системы публичной власти», конкретизировал и дополнил действующие конституционные принципы деятельности органов, входящих в систему публичной власти, в направлении усиления их единства, не изменяя при этом сущностной основы исследуемых принципов [8]. В то же время, наряду с незыблемыми принципами федеративного устройства, государственной целостности и суверенитета Российской Федерации, Закон закрепил и такие, как «согласованность и взаимодействие органов публичной власти», «государственный контроль за деятельностью в сфере разделения предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти», что способствует укреплению единства системы публичной власти.

Следовательно, анализируемый Закон развивает конституционные принципы федеративного устройства, поскольку они укрепляют единство федеративного государства, повышают законодательную активность субъектов Российской Федерации.

В этом контексте сущностные свойства федерализма: «разграничение полномочий и предметов ведения», «совместные предметы ведения», «законодательный уровень правового регулирования в субъектах», базирующиеся на принципе «единства системы публичной власти», требуют на уровне гносеологии и онтологии дальнейшего осмысления, поскольку не исчерпали своих потенциальных возможностей. Диалектическая взаимосвязанность анализируемых принципов сплачивает их в своем органическом единстве. Это создает теоретико-правовую основу формирования в субъектах федераций законодательного уровня правового регулирования, находящегося, в свою очередь, в системном единстве с волей федерального законодателя, несмотря на свои отличительные признаки. Среди них можно выделить: 1) закрепление специфики регионов и особых интересов его жителей в соответствии с волей федерального законодателя осуществляется не всеми нормами регионального правотворчества, а только первичными нормами, принимаемыми в процессе собственного правотворчества субъектов федераций; 2) закрепление более высоких стандартов удовлетворения материальных и духовных благ граждан регионов, их социального, медицинского

и иного обеспечения развивает федеральные законы, дополняет их новым содержанием; 3) обеспечение исполнения норм первичного регулирования, принятых в субъектах федераций, осуществляется мерами государственного принуждения, а также актами конкретизации органов исполнительной власти и др.

Формированию законодательного уровня правового регулирования в субъектах Российской Федерации может способствовать разработанное автором настоящей статьи определение понятия «уровень первичного правового регулирования».

Под уровнем первичного правового регулирования предлагается понимать *принятую с санкции государства компетентным органом или социальным сообществом совокупность норм права в развитие действующего законодательства посредством его конкретизации, дополнения новым содержанием и обеспечения мерами государственного принуждения* (курсив наш. — И. И.).

Представленные суждения можно подтвердить на примере современных федеративных государств.

Законодательство субъектов федерации США как самостоятельный уровень правового регулирования

Обращение к опыту США как «первой федерации в мировой практике» показывает, что формирование законодательного уровня правового регулирования в штатах, как и в субъектах Российской Федерации, имело свои сложности [9].

Так, основатели американского государства — поселенцы Новой Англии, Виргинии и других колоний, ориентированные на учения древнегреческих философов и концепции эпохи Возрождения, включали в свои учредительные акты положения о самоуправлении и самостоятельном формировании собственного законодательства. Однако с течением времени признавался принцип «государственной целостности», благодаря которому происходил сложный процесс объединения американских колоний в единую федерацию, закрепивший принцип «согласованности и сглаживания» внутрифедеральных противоречий. Так, в статье VI фиксируется, что Конституция и законы Соединенных Штатов становятся «верховным правом страны». С этого времени федеральное законодательство выступает носителем сущностной основы конституционных норм США, официально закрепляет право на существование

законодательства в едином общенациональном правовом пространстве на федеральном и региональном уровнях.

Универсальным средством укрепления единства федеративного государства и одновременно сглаживания внутрифедеральных противоречий явилось закрепленное Конституцией США право Конгресса принимать «необходимые и уместные» законы (разд. VIII ст. 1). На этой базе разрабатывается доктрина «подразумеваемых полномочий Конгресса», получившая признание Верховного Суда. В результате Конгресс беспрепятственно (со стороны штатов и судебных органов) ежегодно принимает около 10 тысяч согласованных и одобренных штатами и приспособленных к их нуждам федеральных законов, поправок к ним и резолюций.

Итак, просматривается тенденция, подтверждающая, что предметом особого внимания Конституции США (ст. 4) и федерального законодательства, а также конституций и законов штатов является взаимодействие федерального центра и штатов на принципе «согласованности и сглаживания внутрифедеральных противоречий». В этом аспекте федерализм США существенно отличается тем, что полномочия федерального центра состоят из совокупности делегированных ему штатами полномочий, а их весомый остаток принадлежит штатам. Последние, действуя на принципах «самостоятельности исполнения принадлежащих им полномочий», образуют собственный уровень законодательного регулирования. Всего в США можно выделить пять самостоятельных уровней правового регулирования: 1) общее право, включающее судебный прецедент, применяемый штатами в правовом регулировании, как колониальное наследие Великобритании; 2) право справедливости; 3) федеральное законодательство (статутное право); 4) законы (статуты) штатов (*state legislatures*); 5) право творчество местных органов самоуправления и саморегулирования.

Подвергая в этом контексте анализу более тридцати признаков федеративного государства, М. В. Глигич-Золотарева справедливо отмечает, что на доктринальном уровне штаты считаются суверенными государственными образованиями. Однако фактически они не обладают атрибутами суверенитета [10]. В случаях, когда законы штатов затрагивают предметы ведения федеральной власти, что противоречит федеральной Конституции и федеральным законам, то соответствующим судом они признаются неконституционными. При этом и

совпадающие полномочия не всегда соразмерны и сбалансированы. Как отмечает В. М. Шумилов, обязанность граждан и должностных лиц соблюдать федеральную Конституцию ориентирует штаты на нормативные акты федерации [9, с. 6–7].

В этом контексте А. Д. Гуляков, А. В. Малько, А. Ю. Саломатин пришли к выводу, что «если в англоязычных государствах (например, Канада) федерализм формировался без особых препятствий, то в Европе, где преобладают многонациональные государства, идеи федерализма продвигались с большим трудом» [11, с. 37]. В идеале федеративное государство образуется «снизу», посредством добровольного объединения исторически сложившихся, территориально близких государственных в единое целое на принципах равноправия, самоопределения народов и др.

Однако практика показывает, что независимо от способа образования конкретных федераций, во многих из них время от времени вставали вопросы о пересмотре действующей модели федеративного устройства и даже о выходе из федерации. С возрастанием роли Конгресса США законодательство о суверенитете штатов стало идти вразрез с объединительными тенденциями. В целях устранения возникших противоречий и уменьшения законодательной дифференциации в 30-е годы XX века была создана Национальная конференция уполномоченных по разработке единообразных законов США, существующая по настоящее время. Результатами ее работы явилась разработка унифицированных документов. Например, унифицировано земельное законодательство, поскольку после обретения независимости США «запретные земли», переданные в частную собственность, расширяли предметы ведения штатов (Закон «О земельных наделах» закрепил положение о том, что лицо, владеющее землей и живущее на ней, имеет право получать во владение из федеральной собственности участки земли до 160 акров).

Значительным препятствием законодательного регулирования в штатах является отсутствие традиционных представлений о внутринациональном праве. Как отмечается в литературе, на практике значительно большее значение имеют судебные решения, нежели обычное право. Для сравнения: в Российской Федерации в целях конкретизации федерального законодательства на уровне субъектов Российской Федерации и особенно в национальных республиках широко

используются региональные традиции и национальные обычаи. Наполненное духом многовековых национальных обычаев и традиций, присутствующих населению данного региона, российское законодательство относит правовые обычаи к первичным источникам правового регулирования [12, с. 2–6]. В то же время существует точка зрения, что «главенство писаного права» вполне оправдано [13, с. 2–10]. Однако в данном случае речь идет не о главенстве, а о том, что современное писаное право должно широко опираться на отечественные традиции, а также использовать правовые доктрины, несмотря на то, что они официально не являются источниками российского права. По мнению Р. Давида, правовые доктрины получили квалификацию авторитетных книг [14, с. 298].

Законодательный уровень правового регулирования субъектов ФРГ

Федеративное устройство ФРГ значительно отличается от стран континентальной Европы, но, как можно заметить, имеет некоторую схожесть с формированием законодательства в субъектах Российской Федерации. В то же время федерализм в Германии формировался не одновременно и не «сверху», а «сбоку» путем захвата чужой территории и ее принудительного присоединения, а в ряде случаев и путем добровольного воссоединения земель. В трудах немецких и российских ученых акцентируется внимание на том, что разрозненные германские земли длительное время находились под сильным влиянием Римского права [14, с. 30–34]. Это привело к тому, что формирование законодательства в германских землях приняло затяжной характер. По справедливому замечанию К. Цвайггерта и Х. Кётца, германские земли «приспосабливались к нормам, идеям, институтам Римского права» [15, с. 205]. Неслучайно многие авторы характеризуют право германских земель как право «Священной Римской Империи германской нации». Для сравнения отметим, что Россия оказалась более стойкой и консервативной в восприятии европейского права, основанного на либеральных теориях, поскольку в ней всегда преобладали «национальный и духовный факторы» [16, с. 224–226].

Между тем, как отмечают А. Жалинский и другие авторы, к середине XX века либеральные теории неожиданно сменила родственная им идея «социального государства» [17, с. 50; 18, с. 105, 226]. Это явилось существенным фактором активизации формирования законодательных уровней правового регулирования в ФРГ [19, с. 220].

Современный законодательный уровень правового регулирования в 16 землях ФРГ можно характеризовать как внутрифедеральный феномен, самостоятельно обеспечивающий конкретизацию и гармонизацию федерального законодательства в целях отражения интересов и специфики земель ФРГ. В его формировании участвует широкий круг лиц [20]. Благодаря этому удается осуществлять меры по реализации принципа правового равенства. По мнению Р. Давида, для юриста лучшим способом принятия справедливого решения является *обращение к закону* (курсив наш. — И. И.) не только как к продукту размышления, но и на соображениях справедливости, морали и гармонии норм права, которые могут ускользнуть от судей [14, с. 112]. В этом аспекте сочетание частных и публичных интересов закрепляется законами земель. О подобных проблемах в Российской Федерации пишут в своих исследованиях Н. А. Власенко, В. Д. Зорькин, А. Я. Курбатов, Ю. А. Тихомиров и другие авторы [5, с. 499; 21, 22, 23].

В соответствии с Конституцией ФРГ принцип равенства во взаимоотношениях между федерацией и входящими в нее землями осуществляется по четырем направлениям: 1) закрепляются исключительная компетенция федерации и конкурирующие компетенции федерации и земель (ст. 74); 2) земли наделяются широким кругом полномочий, то есть могут самостоятельно принимать нормы первичного регулирования в случаях, когда не предусмотрена компетенция федерации либо исполнение федеральных законов прямо возложено на земли; 3) фиксируется, что законы земель не могут противоречить Основному закону ФРГ (ч. 1 ст. 28), но предписывается, чтобы формировались механизмы, затрудняющие федеральному центру ущемлять права регионов.

Что касается конкретизации компетенций и «конкурирующих» предметов ведения, то, во-первых, Конституция ФРГ обязывает земли исполнять федеральные законы как свои собственные, предоставляя землям широкие возможности конкретизации федеральных законов (ст. 80). Во-вторых, конкретизация ряда федеральных законов осуществляется землями по поручению федерации либо когда это прямо указано в Конституции ФРГ (ст. 85). В остальных случаях земли уполномочены самостоятельно осуществлять законодательное регулирование, дополнять федеральные законы, не изменяя их содержания.

Выводы

1. Субъекты современных федераций в пределах своих компетенций формируют в едином правовом пространстве собственные законодательные уровни правового регулирования посредством конкретизации федерального законодательства по предметам совместного (совпадающего, конкурирующего) ведения федерации и субъектов федерации и установления норм первичного правового регулирования вне пределов ведения и полномочий федерации и совместного ведения федерации и ее субъектов.

2. Первоосновой образования законодательного уровня правового регулирования в субъектах Российской Федерации выступает *правомочие* на принятие норм первичного правового регулирования. Переход субъектов Российской Федерации к собственному уровню законодательного регулирования, сопровождаемый сокращением предметов ведения Российской Федерации и в целом объема правового регулирования на федеральном уровне, не несет в себе угрозу государственной целостности.

3. Находясь в едином правовом пространстве, системное единство воли федерального законодателя и законов субъектов Российской Федерации развивает федеральные законы, дополняет их новым содержанием.

Список источников

1. Генезис федеративной государственности в мировом измерении (проект сравнительного историко-государствоведческого исследования) / А. Д. Гуляков, А. Ю. Саломатин, А. В. Малько, Н. В. Макеева // Наука. Общество. Государство. Электронный научный журнал, 2016. Т. 4. № 3 (15). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 08.06.2024).

2. Николаев В. А. Защита прав и свобод человека конституциями, уставами субъектов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2023. 36 с.

3. Пономарева И. П. Теория федерализма: миссия завершена // Российский журнал правовых исследований. Москва, 2016. № 1 (6). С. 131–135.

4. Гайдено П. П. Эволюция понятия наука (XVII–XVIII): Формирование научных программ нового времени. Москва: Наука, 1987. 444 с.

5. Власенко Н. А. Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки, 2021. Т. 25. № 3. С. 479–505.

6. Кошкина А. Количество регионов с дефицитным бюджетом выросло вдвое // Ведомости. 2021. 18 февраля.

7. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2020 году // Российская газета. 2021. 12 марта.

8. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 08.06.2024).

9. Шумилов В. М. Правовая система США. Москва: Международные отношения, 2006. 405 с.

10. Глигич-Золотарева М. В. Теория и практика федерализма: системный подход / под ред. Н. М. Добрынина. Новосибирск, 2009. 640 с.

11. Гуляков А. Д., Малько А. В., Саломатин А. Ю. Генезис федерализма в странах Европы // Современная Европа, 2018. № 1. С. 36–46.

12. Шаповал Е. А. К вопросу об обычаях как источнике российского трудового права // Трудовое право в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 2–6.

13. Малышкин А. В. Обычаи и традиции в судебной практике судов общей юрисдикции // Российский судья. 2013. № 3. С. 6–10.

14. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Москва: Международные отношения, 2009. 453 с.

15. Цвайгерт К., Кёйтс Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Том I. Основы. Москва: международные отношения, 1998. 478 с.

16. Синюков В. Н., Синюков Т. В. Российская правовая система в мировой типологии права // Правовая политика. Право. Правовая система: монография / под ред.: А. В. Малько. Москва: Юрлитинформ, 2013. 384 с.

17. Жалинский А., Рерих А. Введение в немецкое право. Москва: Спарк, 2001. 767 с.

18. История Европы: в 8 т. Т. 5. От французской революции до конца XVIII в. до Первой мировой войны / под ред. А. О. Чубарьяна. Москва: Наука, 2000. 667 с.

19. Антонов И. П. Правовая система Германии в романо-германской правовой семье // Журнал: Вестник РГГУ. Москва, 2012. С. 219–230.

20. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Правовые системы Западной Европы. Т. 2 / под ред. В. И. Лафитского. 2012. 768 с. URL: <https://lawlibrary.ru/izdanie2245961.html?ysclid=lmzrgjuzh932871266/> (дата обращения: 08.06.2024).

21. Зорькин В. Д. Право будущего — это те же вечные ценности свободы и справедливости // Российская газета. 2020. 15 апреля.

22. Курбатов А. Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. Москва: ЮрИнфоР, 2001. 212 с.

23. Научные концепции развития российского законодательства: монография / В. Р. Авхадеев,

Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2024. 656 с.

References

1. The genesis of federal statehood in the global dimension (project of comparative historical and state studies) / A. D. Gulyakov, A. Yu. Salomatin, A. V. Malko, N. V. Makeeva. *Nauka. Society. State. Electronic Scientific Journal*, 2016, vol. 4, no. 3 (15). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (accessed 06.08.2024). (In Russ.)

2. Nikolaev V. A. Protection of human rights and freedoms by constitutions, charters of subjects of the Russian Federation. Dissertation... candidate of legal sciences. Chelyabinsk, 2023. 36 p. (In Russ.)

3. Ponomareva I. P. Theory of federalism: the mission is completed. *Russian Journal of Legal Studies*, 2016, no.1 (6), pp. 131–135. (In Russ.)

4. Gaidenko P. P. The evolution of the concept of science (XVII–XVIII): the formation of scientific programs of modern times. Moscow: Nauka Publ., 1987. 444 p. (In Russ.)

5. Vlasenko N. A. The Deviant state: the teachings of Aristotle and the post-Soviet reality. *Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences*, 2021, vol. 25, no. 3, pp. 479–505. (In Russ.)

6. Koshkina A. The number of regions with budget deficits has doubled. *Vedomosti*, 2021. February 18. (In Russ.)

7. The main indicators of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation in 2020. *Rossiyskaya Gazeta*, 2021, March 12. (In Russ.)

8. On general principles of the organization of public authority in the subjects of the Russian Federation: federal law no. 414-FZ dated December 21, 2021. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070 (accessed 06.08.2024). (In Russ.)

9. Shumilov V. M. The legal system of the USA. Moscow: International Relations, 2006. 405 p. (In Russ.)

10. Gligich-Zolotareva M. V. Theory and practice of federalism: a systematic approach / ed. by N. M. Dobrynin. Novosibirsk, 2009. 640 p. (In Russ.)

11. Gulyakov A. D., Malko A. V., Salomatin A. Y. Genesis of federalism in European countries. *Modern Europe*, 2018, no. 1, pp. 36–46. (In Russ.)

12. Shapoval E. A. On the question of custom as a source of Russian labor law. *Labor law in Russia and abroad*, 2013, no. 2, pp. 2–6. (In Russ.)

13. Malyshkin A. V. Customs and traditions in the judicial practice of courts of general jurisdiction. *The Russian judge*, 2013, no. 3, pp. 6–10. (In Russ.)

14. David R., Joffre-Spinosi K. The main legal systems of modernity. Moscow: International Relations Publ., 2009. 453 p. (In Russ.)

15. Zweigert K., Kötz H. Introduction to comparative jurisprudence in the field of private law: in 2 vol. Vol. I. The basics. Moscow: International Relations Publ., 1998. 478 p. (In Russ.)
16. Sinyukov V. N., Sinyukov T. V. The Russian legal system in the world typology of law. Legal policy. Right. The legal system: a monograph / ed. by: Malko A. V. Moscow: YurLitinform Publ., 2013. 384 p. (In Russ.)
17. Zhalinsky A., Roerich A. Introduction to German law. Moscow: Spark Publ., 2001. 767 p. (In Russ.)
18. The History of Europe: in 8 vols. 5. From the French Revolution to the end of the XVIII century. to the First World War / ed. by A. O. Chubaryan. Moscow: Nauka publ., 2000. 667 p. (In Russ.)
19. Antonov I.P. The legal system of Germany in the Romano-German legal family. *Journal: Bulletin of the Russian State University*, Moscow, 2012, pp. 219–230. (In Russ.)
20. Comparative law: national legal systems. Legal systems of Western Europe. Vol. 2. / ed. by V. I. Lafitskiy. 2012. 768p. URL: <https://lawlibrary.ru/izdanie2245961.html?ysclid=lomzrgjuzh932871266/> (accessed 08.06.2024). (In Russ.)
21. Zorkin V. D. The law of the future is the same eternal values of freedom and justice. *Rossiyskaya Gazeta*, no. 83 (8137) dated April 15, 2020. (In Russ.)
22. Kurbatov A. Ya. The combination of private and public interests in the legal regulation of entrepreneurial activity. Moscow: Yurinform Publ., 2001. 212 p. (In Russ.)
23. Scientific concepts of the development of Russian legislation: monograph / V. R. Avkhadeev, E. G. Azarova, L. V. Andrichenko, etc.; ed. by T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov; Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation. 8th ed., reprint. and add. Moscow: Norma Publ., 2024. 656 p. (In Russ.)

Информация об авторе

И. Н. Исаков — кандидат юридических наук, доцент, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники».

Information about the author

I. N. Isakov — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities "National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology".